

* * *

Все истины, конечно же, избиты.
Но не убиты, не убиты, нет.
Они живут, у них свои орбиты,
И в старости к ним тянется поэт.

Пусть кто-то скажет: это все трюизмы,
Все истины банальны, дважды два...
Но ты в них видишь явную харизму,
Когда твоя седеет голова.

Тогда ты их свежо воспринимаешь.
У них свои орбиты и пути...
И ты все чаще грустно поминаешь,
Что жизнь прожить — не поле перейти.

* * *

Засверкали небесные пилы,
Топоры засверкали — и вот
Лед распиленный тронулся к устью,
И расколотый тронулся лед.

Ах, весна и стихи — это вечно!
Так и было, и будет всегда.
И всегда будет мертвые льдины
Уносить по теченью вода.

* * *

Что-то я суечусь и петляю...
Но сегодня притормозил.
По Тверскому бульвару гуляю,
Набираюсь возвышенных сил.

На душе тут заметно теплеет:
Все, казалось бы, взято в полон —
Только русской поэзией веет
Выводящий на Пушкина склон.

* * *

«Прощай, немытая Россия...»
Какие пошлые слова.
Прощай, великая Россия!
Которая во всем права.

И в том, что приросла Сибирью,
И в том, что в космосе была,
Что милосердием и ширью
Народы малые влекла!

«Прощай, великая Россия!
Прощай, красивая Россия!
Прощай, душевная Россия!» —
Я так, наверное, скажу,
Когда с тобой прощаться буду...
«Прощай... Я в вечность ухожу».

А это пошло,
это мелко...
И потому это —
подделка.

ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ ФРОЛОВА

Друг мой, друг... Ты жизнью тяготился
где-то лет, пожалуй, с тридцати.
Ты молился, искренне постился,
ты провидел горние пути.

Ты теперь на тех путях-дорогах
к вечной жизни Богом приобщен...
В мире горнем, милостивом, строгом
ты, наверно, понят и прощен.

Я не знаю, я предполагаю.
Я и сам вопросами томлюсь.

Я и сам на милость уповаю...
О душе молюсь.

«Пил чай с оранжевым вареньем...» —
написал ты в восемнадцать лет.
Счастлив я твоим стихотвореньем...
С юности ты истинный поэт.

Чай с вареньем пьем и вспоминаем...
Все прошло — как не было, прошло.
Но ты, как живой, за нашим чаем.
Помним, любим
ясно и светло.

Вижу я тебя в домашнем кресле.
Слышу стихотворный твой напев.
Ты сказал однажды, что воскресли
Мы, еще родиться не успев.

* * *

Режим такой, режим сякой...
А где же сытость и покой?
И вот уже режим другой —
России это не впервой.

Режим другой — и он сякой,
Такой-сякой, такой-сякой...
И только не сякие мы
И наши светлые умы.

* * *

В размагниченном времени мы пребываем сегодня.
Даже рифмы — и те словно россыпь древесных опилок...
Время как бы исчезло, ушло и оставило нас,
И повисли в пространстве безвольно понятия жизни.
Честь и правда, отчизна и счастье, и даже любовь
Не наполнены смыслом, а так — словно призраки вьются...

То на Боге стоял этот мир, то на Мысли,
На Истории тоже стоял этот горестный мир.
А теперь их не стало, как будто их не было вовсе.
Можно верить во все и не верить... И смысл не искать.
Можно так, можно эдак — и это зовется *постправдой*...
Ничего нет святого и все виртуально теперь.